

Елена Силкина

Осень Мендосы

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С36

Силкина Е.

С36 **Осень Мендосы / Елена Силкина. – М.: Литнет, 2026. – 58 с.**

ISBN 978-5-521-93482-9

Мсть – это блюдо, которое лучше подавать холодным и тщательно приготовленным. Особенно, когда нельзя убить, но хочется непременно уничтожить и при этом остаться безнаказанным...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93482-9

© Литнет, 2026

© Силкина Е., 2026

1

Роман Августович Колчев-Мендоса-младший устраивал вечеринку по случаю удачного завершения очередной экспедиции.

На сей раз он пригласил не добрую половину городка, а всего лишь нескольких давних и хороших приятелей и приятельниц. Женщины одинокие и женщины, у которых подросли дочери, были сильно разочарованы...

Он не без удовольствия покосился в зеркальную дверцу настоящего, древнего, земного серванта – редчайшего раритета, приобретённого с огромным трудом, благодаря многочисленным связям. Темноватое натуральное стекло отразило импозантного мужчину, моложавого, подтянутого. Мендоса по праву гордился не только своими достижениями в науке, но и своим внешним видом. Без генного модифицирования, без омолаживающих процедур на клеточном уровне, даже без пластических операций в свои годы он выглядел не более, чем на тридцать.

Он неторопливо обозревал малую гостиную цвета фуксии. Всё ли устроено, как нужно? Общий стол убрали, вместо него, на первый взгляд, небрежно – расставили столики на тонких ножках и мягкие шёлковые пуфы. Цветы, свечи, недорогая прозрачная посуда из разноцветного пластика, светлые скатерти и занавеси. Всё, как она любит.

За окном весь день хмурилось небо, поднимался ветер. Возможно, начнётся буря. Ничего страшного, гравимобили непогоды не боятся, так что гости соберутся вовремя.

Мендоса поймал себя на том, что снова посмотрелся в тёмное грозное стекло. Он что, нервничает? Ну да, нервничает, уж себе-то можно признаться. Решающая встреча.

Диана Павловна вошла так неслышно, что даже заставила его вздрогнуть. Мендоса оглянулся и поймал её взгляд, тяжёлый и мрачный, в отличие от обычного насмешливого выражения. Она

быстро опустила ресницы, а когда через мгновение их подняла, то уже снова улыбалась. И глазами – тоже. Она умела вот этак, актриса по жизни.

– Всё готово. А ты мог бы и прислугу нанять, деньги позволяют. Чем мне тут с кухонными роботами прыгать, я бы лучше лишний раз в салон красоты слетала.

– Ты и так прекрасно выглядишь, безо всяких процедур. А мне нужен женский взгляд на интерьер.

– Ну да, ну да. Весь город судачит, на какую женщину на этот раз нацелился знаменитый экзо-археолог.

Диана хихикнула, на миг делаясь похожей на ту юную первокурсницу, которую он хорошо помнил.

– Если бы женщину... – буркнул он. – Женщину я бы давно уже уговорил на что угодно.

– О-о-о! Да тут, оказывается, всё серьёзно! Впрочем, как я и думала, когда первый раз увидела рядом с тобой эту девочку...

Диана Павловна снова одарила его странным взглядом, усмехнулась уголком изящного рта и рассеянно посмотрела на улицу.

Золотые волосы женщины, к сожалению, уже не раз подновлённые, сливались с фоном яркой осенней листвы за высокими просторными окнами. Мендоса в очередной раз покосился на зеркальную створку. Он волосы не красил, так и носил кудри пышной шапкой цвета «соли с перцем»

2

– Мама, мне двадцать один! А он старый! Меня блевать от него тянет!

Кадна выбирала самые сильные выражения, чтобы убедить мать.

– Раз он тебе так нравится, вот и забирай его себе! Сколько можно плакать над портретом отца?

– Если бы он ещё на зрелых женщин внимание обращал... – вздохнула Нинианна.

– Мама! Я не хочу на эту вечеринку! Если я отвергла его предложение, зачем я пойду в дом человека, от которого отказалась?! Если я не собираюсь за него замуж, зачем мне к нему в гости? Ничего хорошего из этого не выйдет!

– Может, узнаешь его ещё чуть лучше и всё-таки передумаешь... А вот это уже звучит по-детски! Не съест он тебя там, при народе! Игнорировать приглашение невежливо, нас никто не поймёт!

Девушка тяжело вздохнула. Придётся уступить. Мать будет настаивать до тех пор, пока дочь не сдастся. Но уступит эта самая дочь только насчёт всяких мелочей, а замуж за Мендосу – ни за что!

Зеркало отразило тонкую фигурку в лёгком платье и большие тревожные глаза на узком лице. Мама всегда говорила, что у её крошки очи цвета тёмного чая. Чирринешское имя Кадна и означало «чай», точнее, похожий на него местный напиток.

Нинианна сделала два шага от дивана, на котором сидела, и распахнула дверцу гардероба. Женщина порылась на одной из полочек, напевая земной, воинственный марш, достала полупрозрачный, нежно мерцающий палантин в тон к платью дочери и повязала большим бантом сзади на пояс.

– Я придумала для тебя новый фасон, вот. Как бабочка!

Нинианна довольно улыбалась. Её мотылёк будет самым красивым на вечеринке. Пусть Мендоса ещё раз сделает предложение,

уж она как-нибудь уговорит дочь. И будет спокойна за будущее своей девочки, поздней, единственной. А если Мендоса обидит крошку, он поплатится, уж на это её связей хватит...

– Не хочу быть бабочкой, – проворчала Кадна, глядя в зеркало. – Они хрупкие.

Но пояс с бантом оставила на себе, чтобы порадовать мать.

Насекомые часто летят на живое пламя. Но кто когда-либо видел, как одна бабочка тащит с собой другую, чтобы вместе сгореть в огне?

Кадна взяла тёплую накидку и сумочку. Оглядела шкаф, полный старинных книг и современных кристаллов, кресло, торшер, альбом с графикой на столе, маленький синтезатор. Мать подтолкнула её к выходу. В коридоре девушка снова остановилась.

Женщина заперла на все замки тонкую дверь квартирки и повела дочь к остановке аэробуса

3

Остановка была пуста – ни народа, ни транспорта.

Над посадочной площадкой собирались тучи, солнце скрылось, ветер усилился. Он гнул вершины деревьев и свистел в тонких металлических рейках подъёмника и лесенки.

Женщина и девушка быстро шагали к маленькому павильону. Они спорили всю дорогу до остановки. Нинианна повысила голос, Кадна почти кричала, всё ещё надеясь убедить мать.

– Мама! Давай повернём назад, пока не поздно, пока за аэробус не заплатили! Давай вернёмся домой! Мы отлично проведём этот вечер вдвоём, как всегда!

– Не глупи! Тебе нужно устроить своё будущее! Твоя мать не вечна!

– Мама, ты же знаешь, я говорила тебе, что у меня вызывают отвращение все мужчины, кто старше меня хотя бы на два-три года! Я просто физически не смогу допустить его до себя! С таким, как он, я могу разговаривать, дружить, работать вместе, но не ложиться в постель! Мне нравятся только сверстники, остальные категорически и невообразимо противны!

Нинианна сжала губы, удерживая себя от резких слов.

– Молокососы без денег и профессии?!.. Ну, хорошо. И кто же из сверстников тебе нравится?

– Здесь – никто!

Кадна энергично взмахнула рукой, словно очерчивая защитный круг.

– Может, ещё где-нибудь кто-то найдётся, кто мне станет приятен... – она сама не верила в то, что говорила.

– А может, тебе стоит сходить к врачу? И посоветоваться?

– К какому врачу? – удивилась девушка.

– К психиатру! – неожиданно взорвалась мать. – Потому что то, что ты говоришь – ненормально! Что значит, испытываешь

отвращение?! Мендоса отлично выглядит и чувствует себя! Он прочно стоит на ногах, у него карьера, деньги, репутация в научных кругах, имущество! Не то, что у нас! Если я завтра умру, с чем ты останешься?! Ни образования, ни средств на жизнь, ни защиты!

Девушка встала, как вкопанная. Это её мама, которая всегда единственная защищала и понимала всё-превсё?! Она теперь готова сдать свою бесценную крошку в дом для умалишённых? Она перестала быть на её стороне и вступила в заговор с отвратным Мендосой?

– Что застыла?! Идём!

Нинианна дёрнула дочь за руку, и та двинулась вперёд, как под гипнозом.

Только сейчас она заметила, что аэробус уже завис перед лесенкой и лифтом, на остановке полно народа, и они с мамой рискуют остаться без сидячих мест.

Щёки у Кадны стали горячими. Ей показалось, что все на них оглядываются и слушают этот ужасный спор. Здесь были не только люди, но и другие сапиенсы, в основном гуманоиды. Две девушки-маурки лукаво стреляли по сторонам кошачьими глазами, разговаривали и смеялись, протискиваясь в общественный гравимобиль. Маленький лемур-тави отодвинулся в сторону, чтобы его не затолкали, и выжидал. Рослый красавец-тайрианин тоже не торопился на посадку. Этот-то что тут делает? Обычно их разве что в столице можно увидеть.

Нинианна продолжала говорить.

– Мама! Народ слушает!

Тихий и ломкий, словно от боли, голос дочери не заставил женщину замолчать.

– Пусть слушает! Пусть все знают, какая у меня глупая и вздорная дочь! Мне плевать, что они слушают, главное, чтобы ты услышала! Такой мужчина тебя выбрал! Шанс упустишь – потом не вернёшь!

Что случилось? Мама словно помешалась. Раньше она жёстко соблюдала принцип «сор из избы не выносить» и никогда ничего не обсуждала прилюдно. Что же произошло теперь?

Женщина втащила девушку за руку в салон аэробуса, двери закрылись, и только тогда Нинианна отпустила дочь и умолкла.

Кадна выбрала место в самом хвосте салона и забилась в угол. Мать не возразила, присела рядом, словно загоразживая её собой.

И все вот эти, все до одного, слышали их ругань. Стыдно-то как...

Блестящая остроносая сигара с прозрачным верхом, похожая на древний автобус, только без колёс, плавно поднялась в воздух на небольшую высоту.

Внизу замелькали рощи, дороги и домики пригородных посёлков.

Нинианна смотрела наружу поверх головы дочери, сжимала тонкие губы и молчала. Кадна сутулилась, упрямо нагнув голову, ни на кого и ни на что не смотрела и тоже молчала

4

Дом, похожий на древнегреческий храм, сиял огнями среди бела дня.

Для Кадны, впрочем, он выглядел, как торт с кремом, светлый, будто облачко, украшенный лепниной и колоннами.

Высокие, ажурные, кованые ворота были распахнуты настежь. Округлые тумбы генераторов защитного поля, установленные строем вдоль ограды, не светились.

Нинианна посмотрела прямо в кроваво-красные вампирские глаза видео-камер и устремилась вперёд по дорожке из мелкой мозаичной плитки, широко печатая шаг. Следящими устройствами был усеян весь путь следования напоказ.

Низко нависающие тучи, казалось, вот-вот придавят вершины цветущих деревьев и тугой узел волос на макушке маленькой коренастой женщины. Кадна всё больше отставала.

– Ну, мама!..

Нинианна на миг приостановилась, резко обернулась.

– Даже и не думай! Иди!

И зашагала дальше, ворча на ходу:

– Отвратительно ей, видите ли... Вот доживёшь до моих лет... Да от него все женщины без ума, пачками на шею вешаются! Цени, кто тебе предложение сделал!

«Я ценю», – подумала Кадна. – «Но принимать не хочу!»

Девушка мрачно посмотрела в спину матери. Потом тряхнула распущенными волосами, пошла быстрее и даже улыбнулась. Мать всегда говорила, что надо быть сильной. Ну что ж. Она, Кадна, будет сильной. Если не удастся избавиться от кошмарного замужества, об этом пожалеют все...

Ступени перед входом засветились. Массивные, сбитые из тёмного дерева, окованные металлическими полосами, двери дома сами собой распахнулись.